

18+

О Л Ь Г А
Х Е Й Ф И Ц

*Прошлое всегда
на шаг впереди*

Д Е Т С К И Й
Б О Г

Написано на русском

Ольга Хейфиц

Детский бог

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хейфиц О.

Детский бог / О. Хейфиц — «Эксмо», 2024 — (Написано на русском)

ISBN 978-5-04-197101-4

14-летний Филипп на даче Гирсов. Александр Гирс – гениальный кардиохирург и начальник отца, Полина – его красавица-жена, а дочь Вика... Вика совершенство! Филипп влюблен, очарован всей семьей, их домом. Но одна ошибка в последний день лета – и этот дом отвергает его. Филипп годами следит за семьей Гирсов с расстояния. И делает все, чтобы однажды стать ее достойным. Пройдет 20 лет, и он получит приглашение. В тот самый дом. Только теперь ни он, ни его обитатели не покажутся ему идеальными. Скорее заложниками своих пороков, своих отвратительных тайн. Даже Бог сорвет с себя маску. А потом ловушка закроется.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197101-4

© Хейфиц О., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Хейфиц

Детский бог

*Если хочешь – мы выйдем для общей молитвы
На хрустящий песок золотых островов*

Н. Гумилев

Кни. га создана при участии бюро «Литагенты существуют» и литературного агента Уны
Харт

© Хейфиц О., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Часть I

Почти стемнело.

Он хотел войти, но так и застыл в дверях. Она раздевалась. Она была как Венера, только ослепительно живая.

Вот она выпрямилась. Увидела его. Ее плечи слегка шевельнулись, но руки продолжали спокойно лежать вдоль обнаженных бедер. Она замерла, и было непонятно, от смелости, от равнодушия или от стыда.

Он задохнулся.

Он знал, что совершает непоправимое. Знал, что впереди лишь невыносимые мучения. И все равно, если бы ему выпал шанс поступить иначе, он снова не смог бы оторвать глаз от ее невинного тела, от ее любимого лица.

Он был проклят, безумен.

Он сделал шаг вперед.

Глава 1

Валентиновка

Когда мы познакомились с Гирсами, мне исполнилось четырнадцать.

Несколько летних недель мы гостили у них на даче, и эти дни изменили меня навсегда. Сейчас, после всего, что произошло, не скажу с точностью, смог бы я выбрать другой путь, если бы знал, что нам предстоит пережить. Или предпочел снова попасть в эту ловушку судьбы, превратившую мою жизнь в причудливую фигурку оригами. Не знаю...

Александр Львович Гирс, мой обожаемый учитель, был одним из тех замечательных людей, что приковывают всеобщее внимание сразу, одним фактом своего появления. Казалось, он существует в какой-то гиперболической реальности, словно гость, прибывший из далекого далека, где все намного старше и значительнее, чем здесь. Вполне вероятно, так оно и было, во всяком случае до того дня, когда все разрушилось безвозвратно.

Тем летом мы приехали в Валентиновку в самый разгар сезона. И жаркий июль 1995 года навсегда завладел моей памятью, как сон, который снится столь часто, что сплетается с явью.

* * *

Мы с отцом сошли с электрички на станции Валентиновка.

Справа был лес, слева – теплые рельсы железной дороги, едва заметно гудящие в предвкушении поезда. Мы спустились с платформы и направились в сторону поселка.

Валентиновка была дачным местом. Местом дач. Где дачники были из тех особенных дачников, что в отличие от простых смертных творили искусство, вершили законы или, как Александр Львович Гирс, спасали человеческие жизни.

Помнится, раз ступив на эту землю, я был уверен, что смогу заразиться удачливостью, просто надышавшись здешним воздухом.

Я был готов к приключениям и уже раз сто воображал себе встречу с руководителем отца.

Гирс был врачом. Но не просто врачом, а выдающимся кардиологом, блестящим хирургом, который успешно занимался пересадкой сердца, каким-то там шунтированием и вообще делал самые сложные и редкие операции. Его постоянно вызывали то в Кремль, то за границу, он даже, кажется, бывал в Штатах. На тот момент этой информацией исчерпывалось все, что мне было известно.

Он представлялся мне добрым великаном исключительной породы, чье одобрение и симпатии нужно было заслужить во что бы то ни стало.

Вот и сейчас, слегка тушуясь перед нашим знакомством, я тихонько репетировал: «Очень приятно, Филипп» или «Здравствуйте, я Филипп»...

Дача Гирсов располагалась на улице А. Грина, неподалеку от поселка, принадлежавшего Малому театру, и вообще, по словам отца, вокруг расхаживало множество разных знаменитостей.

Улица Грина оказалась крошечной, зеленой, с вихрастым бурьяном папоротника по краю заросшей канавки водостока. С высоченными мачтами телеграфных столбов, коричневых, задубелых, в россыпи шрамов, оставшихся то ли от срезанных сучьев, то ли от прикосновений чьих-то огромных фантастических пальцев.

Из распахнутой настежь деревянной калитки выскочила собака. Смешной бурый пес с залихватским воплем бросился к нам, брызжа клейкой слюной из-под мохнатых усов.

Я взглянул на отца: он шел спокойно, не сбавляя шага, высоко запрокинув голову, и всматривался куда-то в окна верхнего этажа дома, что стоял за забором.

Двухэтажный дом (типичная советская дача) густого зеленого цвета с южной стороны утопал в зарослях сирени, а северным входом был развернут к нестриженной лужайке. На лужайке расположилась беседка, пронзали воздух несколько сосен, к которым привязали гамак и деревянные качели на канатах.

– Агат! – раздалось откуда-то звонкое. Высокий голос, то ли женский, то ли детский, слышался со стороны калитки.

Пес радостным клубком налетел и закрутился в ногах, пиная меня теплыми наливными бочками. Я наклонился погладить лохматую голову.

– Агат, фу! Как не стыдно! – повторил тот же голос.

Еще не успев оторваться от собаки, даже не разогнувшись, я (помню как сейчас) увидел сначала *сахарные теннисные туфли*, потом *ярко-синие, кажется, шорты... звонкие смуглые колени, заостренные и вытянутые вверх... полоску голого живота с круглой ямкой пупка... а над пупком – затянутый на талии белый узел рубашки...*

Я поднял глаза и столкнулся с внимательным взглядом девочки. На вид девочка была моей ровесницей и, совершенно точно, принадлежала к какому-то особенному миру. Я понял это сразу.

– Привет, Вика, – сказал отец.

И мне показалось удивительным, как это мой абсолютно обыкновенный папа может быть знаком с ней.

– Здравствуйте, дядя Костя, – очень взрослым открытым жестом девочка протянула руку, а отец протянул свою.

* * *

Сколько бы лет ни прошло, я помню наше знакомство с Викторией Гирс и ее семьей, как будто это было вчера. Я и сейчас могу воспроизвести по памяти мельчайшие детали их одежды, голосов, помню произнесенные мимоходом слова, помню запах летнего сквозняка, гуляющего меж окон. А стекло в окнах – старое, слегка оплывшее, и сквозь него весь мир кажется чуть-чуть волнистым. И волнующим.

Комната, доставшаяся нам, находилась в части дома, соединенной с застекленной террасой второго этажа. И по утрам, когда накрывали к завтраку, за нашей тонкой стенкой звенели чашки, лопались крышки банок с крыжовником и скрипела тахта. А по вечерам окна наливались малиновым закатным солнцем и горели, будто леденцы, пока мы щелкали костяшками домино или резались в дурака.

Я так часто вспоминаю это лето и этот дом, что порой кажется, словно прожил там целую жизнь.

* * *

Дверь открылась, и на крыльцо вышел Гирс. Высокий человек с крупной лысеющей головой и внимательными, чуть нависшими, глазами, темными, как сливы.

Гирс был одет по-домашнему, в полотняные шорты хаки и хлопковую футболку цвета кирпичной пыли. В руках – кухонное полотенце, он вытирал пальцы.

– Костя, ну наконец-то! Проходите! Я мариновал утку, вот... – его рука, смуглая, очень широкая, взметнулась в воздух в приветственном жесте. Взмахнув полотенцем, он перекинул его через плечо. – Привет, мой дорогой! – Гирс немного неуклюже (я даже испугался, что он поскользнется) шагнул с крыльца и, выбросив вперед чистую ладонь, пожал руку отцу. Потом развернулся ко мне:

– Александр Львович, – сказал он и протянул руку для приветствия. Голос его звучал упруго, как теннисная подача. Я, кажется, заметно покраснел, стушевался, даже позабыл отрепетированные слова, но все-таки пожал длиннопалую пятерню Гирса, показавшуюся мне мягкой и немного влажной.

– Филипп...

– Ребят, давайте я вам помогу, – с этими словами Александр Львович подхватил увесистую сумку отца, потоптался в дверях и скрылся в доме.

Три ступеньки вверх по крыльцу. Белая крашеная дверь, за ней предбанник. После яркого дневного света мы на мгновение ослепли.

Опасаясь наткнуться на что-нибудь, я изо всех сил напрягал глаза, переступая с ноги на ногу и стараясь привыкнуть к полумраку.

Деревянная обувница, несколько рядов кроссовок, тряпочных тапочек и шлепок. Разлапистая вешалка и небольшой комод.

В конце прихожей, судя по всему, был вход на кухню: оттуда доносился соблазнительный запах поджаренного лучка, может, даже со сладкими ровными кружками моркови, и теплый выпуклый аромат жареной картошки. Хлопали дверцы шкафов, слышались женские голоса и таинственный деловитый стук.

– Подожди, сейчас вернусь, – сказала кому-то молодая, очень стройная женщина, появляясь на пороге кухни. – Привет, Костя. – она улыбнулась отцу, обернулась ко мне: – Привет! Меня зовут Полина, я жена Александра Львовича. – Полина тряхнула головой, смахивая упавшую на глаза светлую челку. – Вы уж извините, вас проводит наверх Саша, а то я не успею с ужином. У нас большие кулинарные планы.

Улыбнувшись, она скрылась в недрах кухни, оставив после себя легкий дурман – вечный спутник красивых женщин, как мне потом стало ясно.

От входной двери вверх поднималась довольно широкая деревянная лестница, крашеная в странный торфяной цвет. Рука приятно скользила по гладким перилам с маленькими округлыми каплями застывшей кое-где краски. Лестница вела на второй этаж, в крошечный холл, откуда можно было попасть в одну из жилых комнат и на веранду. Ту самую веранду, где с раннего утра окна рассеивали солнечные брызги и стоял под клеенчатой скатертью стол, два кресла из Чехословакии и маленькая рыхлая тахта, покрытая цветастым покрывалом.

В комнате, которую приготовили для нас, было классно абсолютно все. И кровати с металлическими набалдашниками в форме шишечек, которые я любил крутить, и худосочный матрас поверх жидких скрипучих пружин, и печной короб, возле которого было так приятно засыпать вечерами, когда из разогретой буржуйки разносились по дому уютные звуки потрескивающих липовых щепочек и угольков.

Но больше всего мне понравился балкон. Под многослойным, похожим на пожелтевшее безе тюлем – стеклянные двери в хрупких облупившихся рамах. А за ними – сад, жасминово-сиреневый, пахучий. Перед закатом сад по-сверчковому звенел-стрекотал, а днем в сладких цветочных рыльцах хозяйничали шмели.

Правда, балкон выразительно скрипел, ходил ходуном и вообще намекал на преклонный возраст, но это, конечно, было неважно. Ерунда, если учесть, что с балкона было видно беседку. А в беседке Вика раскладывала что-то на столе. То ли настольную игру, то ли школьные карточки.

– Ребята, вы как? Ужин через час, мы еще успеем искупаться! – раздался за дверью голос Гирса.

Я сбросил на кровать сумку и кинулся переодеваться.

* * *

До реки было километра полтора, или минут двадцать бодрым летним шагом.

Впереди шли отец и Гирс, рядом трусил Агат, то и дело тыкаясь носом в славные уютные норки водостока и навлекая на себя сердитые окрики хозяина. Я спешил следом, поглядывая по сторонам. К моим шортам то и дело цеплялись фиолетовые колючки чертополоха, а сам я старался не выскочить из резиновых шлепанцев, которые противно натирали пальцы.

Невзирая на некоторую избыточную телесность, Александр Львович двигался быстро, щедро пользуясь тазобедренными и плечевыми суставами, размахивая руками, широко и упруго ставя ноги в разношенных кроссовках. Он легко занял бы собой и менее скромную дорогу, чем та, по которой мы продвигались в сторону реки, минуя заросли крапивы и дикой малины.

Налюбовавшись на ряды заборов и калиток (каждая со своим ровненьким жестяным ящичком для писем), я принялся разглядывать спины идущих впереди отца и Гирса. Странно: привычная с детства сухая папина фигура вдруг показалась мне тщедушной. На фоне немного нескладной монументальности Гирса отец весь как-то съезжился, словно стал меньше ростом. Он шел чужой нелепой походкой, втянув голову в плечи, осторожно переставляя ступни, сначала припадая на пятку и потом перекатываясь на носок. Его бледные городские ноги беспомощно и зябко выглядывали из-под объемных шорт, которые выглядели так, словно переросли своего хозяина.

Мне стало неловко за отца, а потом еще и за свою неловкость. Я тряхнул головой, отгоняя от себя дурацкие мысли, и прибавил ходу.

Мы оставили позади дачные улицы и вышли к реке, которая была разделена высокой плотиной. Чую купание, Агат разразился радостным лаем и ринулся к пляжу.

Пляж оказался крошечным, одно название. Небольшой островок вытоптанной травы на пологом берегу. Несколько простыней и байковых покрывал, разложенных тут и там. На одном из покрывал – маленькое яблоко. Надкушенное с одного боку и оставленное, оно одиноко розовело на выцветшей ткани подстилки, и тоненький ручеек муравьев уже протянулся из травы, привлеченный фруктовым нутром.

Пляжников, однако, я не разглядел.

Потом оказалось, люди здесь все-таки были. Они столпились на переезде, возле края дамбы. Человек пять или семь о чем-то спорили, жестикулировали, поглядывая в сторону воды. Из-за грохота плотины я не мог расслышать, о чем спор, но лица у всех были перевернутые. Тут же рядом стояли двое растерянных ребят, на вид чуть старше меня.

Александр Львович подошел к собравшимся. Он что-то спрашивал, ему отвечали и указывали на дамбу.

Я вмиг оказался рядом. Под ногами похрустывали мелкие камешки, некоторые такие острые, что чувствовались даже сквозь резиновые подошвы сланцев. Я переминался с ноги на ногу, разглядывая свои посеревшие от пыли пальцы и стараясь не упустить ни слова.

– Утонул! Ей-богу, утонул! – послышалось сбоку.

– Да кто его знает, затянуло или нет...

– Найдите веревку, быстро! Автомобильный трос у кого есть – подойдет... – голос Гирса раздался откуда-то сверху. – И деревяшку привяжите! – Я заметил, как один из мужчин побежал к красному «запорожцу», припаркованному на той стороне переезда.

Чтобы хоть краешком глаза ухватить, что там, за ободом плотины, мне пришлось как следует вытянуть шею. В лицо тут же вонзились острые брызги, и еще мощнее показался рев воды, которая, свергаясь, закипала далеко внизу желтоватой пеной.

Содрогнувшись, я начал пробираться обратно сквозь душное созвучие запахов пота и табака. Кто-то рядом охнул. Женский голос.

Я оглянулся, но пространство и время вдруг проделали удивительную штуку, и все вокруг стало замедляться, растягиваться, как слишком крупный мыльный пузырь. Стоящие рядом люди размазались по периферии внимания, словно при плохой съемке, зато было очень даже видно, как Гирс быстро скинул обувь, коротко разбежался и неожиданно ловко прыгнул вниз, в самый котлован бурлящей реки.

Я дернулся было посмотреть, но чья-то рука вцепилась в плечо.

– Не вздумай! – крикнул отец.

Остальные сгрудились у края плотины, пытаюсь разглядеть, не покажется ли среди пухнувшей пены лысая голова Гирса.

* * *

Надо сказать, Гирс вовсе не выглядел героем. Прокручивая в голове те дни, я вспоминаю легкое разочарование от первых минут нашего знакомства: он не показался мне тем суперменом, которого я навоображал себе по дороге в Валентиновку.

Он был тяжеловат, его габаритность напоминала медвежью неповоротливость Портоса, любителя как следует поест. Его умное лицо было лицом ученого. Внимательного, немного размягченного знаниями гуманиста, а не воина. Он не смотрелся проворным или мускулистым, он был уютным, любил подурачиться и близоруко щурился, а когда работал, так и вовсе надевал смешные дедовские очки.

И этот его прыжок оказался полной неожиданностью.

* * *

– Отстань! – Мне не хотелось грубить отцу, но я был слишком взволнован.

Его рука ослабела, он сделал шаг назад.

Двое мужчин забросили в воду трос, найденный в багажнике «запорожца». Минуты через три (хотя я мог и спутать) они начали тянуть веревку вдоль плотины к ближайшему берегу.

Мы следовали за ними. Я увидел посреди реки Гирса: одной рукой он схватился за скользкий трос, а другой удерживал над водой голову и плечи человека. Они продвигались поперек течения трудно, но уверенно.

Когда Александр Львович выбрался на берег, все, конечно, уже были тут как тут. Словно признавая его бесспорное первенство, реальность была по-прежнему сфокусирована на Гирсе, остальные же выглядели странноразмытыми.

Он вышел из воды с человеком на руках, увязая ступнями в илистой вязкости речного склона.

Я видел темно-красную футболку Гирса, прилипшую к его спине, видел перышки волос и просвечивающую через них розоватую макушку мальчишки. Белобрысая голова болталась из стороны в сторону, пока руки людей осторожно принимали его, помогая уложить на землю.

Все молчали и, кажется, ждали команды. Гораздо позже, уже возмужав, я понял, что редкий человек способен принимать хоть сколько-нибудь эффективные решения в критической ситуации. Люди впадают в какой-то анабиоз, время начинает течь парадоксально непредсказуемо. Так и в тот раз как будто зажевало пленку: все застыли, чего-то выжидая.

А Гирс действовал уверенно и аккуратно.

Прямо пальцами он залез мальчику в рот и достал оттуда какие-то нитки; я с трудом соображал, и уже потом до меня дошло, что это были водоросли.

Он встал на одно колено и, перекинув все еще безжизненного парня через бедро, устроил его на животе и сильно нажал на спину. Потом еще и еще. Мальчик закашлялся, изо рта у него вырвался фонтанчик мутной воды и рвоты. Обхватив его за подмышки, Гирс продолжал ритмично сжимать грудную клетку. Отхаркивание – вода – тонкая канитель слюны...

– Дайте кто-нибудь полотенце, футболку, что угодно!

Все суетливо переглянулись, я снял с себя майку и протянул ему. Не поднимая глаз, он кивнул:

– Спасибо...

Перевернул мальчика на бок, накрыл моей футболкой.

– Надо согреть его.

Помню, как сейчас: вода струится с их одежды и капает на землю. Капли крупные, они растекаются в маленькие лужицы, которые, соединяясь, образуют лужицы побольше, и я замечаю, что они стремятся слиться друг с другом, притягиваются словно магнитом.

Мы возвращались домой, почти успевая к ужину.

Всю дорогу я гонял в голове: «А смог бы я? А папа? Там же было полно людей, почему только Гирс?»

Когда до дома оставалось совсем чуть-чуть, я расхрабрился и задал терзавший меня вопрос:

– Александр Львович, а вам не было страшно?

Он оглянулся, потер лоб.

– Было, конечно. Я же нормальный человек. Просто знаю, как правильно вести себя в воде. В таких местах нужно суметь прыгнуть как можно дальше, чтобы не столкнуться с обратным течением или водоворотом, как там, у плотины. А если уж попал, плыви медленно, вдоль течения, не пытайся выскочить по короткой траектории. Просто гребь вдоль и жди, пока тебя не начнет относить к берегу.

Потом смущенно, вроде как даже виновато, улыбнулся и добавил:

– И не рассказывайте ни о чем девочкам. Не будем их пугать, а то Поинка мне потом устроит, мало не покажется.

* * *

В моей жизни не было времени слаще. Уже тогда я догадывался, что такое счастье не может длиться вечно, знал, что буду страдать, когда все закончится. И все равно, каждый день переливался во мне драгоценным шариком, живым и горячим, как самая сердцевинка жизни.

Дом за зеленым забором, дом на краешке маленькой цветущей улицы. Дом, на стыке времен, на исходе двадцатого столетия. Дом, живущий полной жизнью семейства Гирсов, оказался теплым скрипучим царством летних вечеров и волнующих воображение людей. Даже не царством, нет, это было настоящее государство в государстве, как Ватикан или сказочная Шамбала с жителями-волшебниками.

Я честно иногда не знал, кто из троих нравится мне больше. Гирс, добрый великан, хрупкая нежная Полина или их восхитительная дочь, повернутая на музыке и техническом прогрессе. Ради нее я готов был часами ловить волны радиостанций, перематывать карандашами пленку в старых кассетах, чтобы записать сочиненные ею мелодии, слушать, как лихо она подбирает на фортепиано крутые песни, типа «Wind of change».

Я часто слонялся, рассматривая незаметные с первого взгляда семейные реликвии, которые в великом множестве водились на даче. Тогда мне казалось, что это не дом, а настоящая усадьба, вроде как из книжки Тургенева.

Теперь-то я понимаю: дом был вполне постсоветский, сиюминутный, как соломенный домик трех поросят, застрявший между прошлым и будущим, но для меня – абсолютный чемпион.

Тонкие стены – наследие щитовых дач, низковатые потолки. Щуплые стулья на неокрепших ножках, скрипучие подвздошья кресел, облупившиеся перила балкона, краска от которых то и дело забивалась под ногти.

И все-таки – Шамбала.

На полках в кабинете Александра Львовича стояли по-настоящему старые и, может, даже редкие книги в ветхих обложках, а на Викином фортепиано – фотографии в одинаковых рамках из дерева такого густого коричневого оттенка, что казались шоколадными. На веранде висел портрет Полины. Краем уха я слышал, что это работа известного художника, обязанного жизнью Александру Львовичу. Правда, имени не запомнил.

Вообще, выходило так, что жизнью Гирсу была обязана куча людей. Спортсмены, музыканты, какие-то известные личности вроде министров. Даже мне, в ту пору не слишком интересовавшемуся чем-то, кроме футбола, были известны имена некоторых везунчиков. А уж сколько обычных людей прошло через его добрые умные руки... страшно представить!

Иногда, глядя на его руки с короткими, под корень обрезанными розовыми ногтями, я терял чувство времени, представлял, как они держат чье-то сердце, как раскрывают трубочки артерий. Я плохо понимал, что должно происходить во время кардиологической операции, и просто воображал Александра Львовича за работой, сосредоточенного, спокойного, решительного.

Заглядывая в просвет двери кабинета, где работал Александр Львович, я обретал новую форму досуга – подслушивал, о чем разговаривают в кабинете Гирс с отцом. И я слушал долго-долго, может, даже часами, примериваясь к удивительным, сказочным словам: аневризма, ангиопластика, трансплантация, малоинвазивное шунтирование.

Никогда прежде не приходило мне в голову, что медицина может быть такой увлекательной. Помню, как под дверью кабинета Гирса скучная жизнь заурядного врача в заурядной больнице вдруг разворачивалась остросюжетной стороной, подсвечивалась силой мужества и самоопределения. Папа тоже служил врачом, но тем врачом, сквозь которого была отлично видна вся неприглядность этой судьбы.

Спустя неделю я готов был отдать все на свете, лишь бы остаться здесь насовсем. Лишь бы стать частью этой семьи. И легкое недомогание совести при мысли о родных предках было здесь ни при чем. В целом они были у меня ничего, но и только.

Честно говоря, родители казались мне довольно скучными. Ну что такое врач и учитель? Хотя мама предпочитала, чтобы ее называли преподавателем, потому что она преподавала. И не где-нибудь, а в РГГУ – приличное место, умные люди, гуманитарии. Мама носила жакеты, длинные юбки и обувь с ортопедической стелькой, потому что «ей долго стоять». Ее время – это студенты, лекции, учебники, написанные в соавторстве с полной усатой женщиной-доцентом Еленой Кузьминичной (отец-то у нее, выходит, Кузьма). Мама и Елена Кузьминична подолгу сидели на кухне, «гоняли чай» и нацелкивали на печатной машинке длинные, безрадостные, немного кособоватые цепочки букв.

Папа, сухой, остроконечный, угловатый, уже метивший в замы главного врача (сам-то он никуда не метил, просто Александр Львович не желал и слышать об отказе), существовал спокойно и четко, слыл любящим мужем и отцом.

В общем знаменателе – умеренность, стабильность и скромный оклад.

Выходит, родители были в своем роде столпами общества, как Женя и Надя в «Иронии судьбы».

Я же был равнодушен ко всему, что имело хоть какой-то привкус успеха. Меня распирало от зависти и восхищения людьми, которые в то время были настоящими богами, хозяевами жизни, так называемыми бизнесменами, железной рукой подчинившими себе судьбу.

Помню, весной того года застрелили Влада Листьева, по телевизору весь день показывали его портрет и звучала песня «Виват, король!».

Я чуть не разрыдался от наплыва чувств, сам не знаю почему, ведь он был совершенно чужим человеком. Но вся страна стояла на ушах заодно со мной, это было волнительно и очень интересно.

Убийство! Дома родители бубнили что-то про бандитов и мафию, я зачарованно кивал, а в глубине меня теплилось неясное, несформированное ощущение жажды жизни, полной сокровищ и приключений.

«*Вот это настоящее!*» — думал я и мечтал, что однажды тоже стану жутко крутым, как Влад или хотя бы как те ребята, которые быстро богатеют, весело гуляют и наживают себе серьезных «*всамделишных*» врагов.

Кажется, из-за этой своей философии я особенно быстро проникся к Гирсу той высшей степени восхищения и любви, которая только возможна для подростка, нашедшего, наконец, кумира в человеке из плоти и крови, а не в фантоме из газеты или кино. К тому же профессия Гирса оказалась даже благороднее профессии убиенного Влада.

Я всю фантазировал и придумал сотни сценариев о том, как мог бы родиться в этой семье или как еще стать здесь своим. Я готов был помогать по дому, рубить дрова для печки, выгуливать собаку, вскапывать грядки и мыть машину, лишь бы понравиться, лишь бы показаться незаменимым. По ночам, перед сном, я азартно вычеркивал себя из жизни родителей и становился сиротой, которого Гирс непременно брал себе на воспитание, потому что мечтал о наследнике.

Все это было увлекательно и немного горько. Впрочем, свойственная юности гибкость мышления и впечатлительность не давали мне всерьез расстраиваться из-за своего тайного предательства.

Думаю, Гирс вполне отдавал себе отчет в том, какое впечатление производит на мою подрастающую личность (личность обычно ленивую и не склонную к научному труду), и щедро одаривал меня вниманием. Он не избегал разговоров, наоборот – с готовностью отвечал на все вопросы, которые так и выпрыгивали из меня, хоть, видит бог, я старался быть скромнее.

Так, например, я узнал, что сердца у всех разные. У кого-то худое, а у кого-то толстое, побыстрее или помедленнее. Уникальные, как отпечатки пальцев. Александр Львович не скупился на рассказы, даже когда я расспрашивал об операциях.

– Ох, это совершенно отдельное чувство, Фил, когда сложная операция проходит гладко, – говорил он, и на его спокойном, несколько рассеянном лице проступало удовольствие, лоб собирался живописными складками, а пальцы, следуя за речью, начинали причудливо двигаться, словно живые существа, совершенно гипнотизируя меня. – Это похоже на сложный цирковой номер. На выступление воздушных гимнастов без страховки. Когда все: хирург, ассистенты – все настроены на одну волну, и любая ошибка будет дорого стоить.

Однажды он даже спросил:

– Ты же собираешься в мед?

– Да! – выпалил я, хоть никогда ни о чем таком не думал.

– Ну так тем более заходи к нам. Потом поступишь – возьму тебя к себе, посмотрим, что из тебя можно соорудить. – Он добродушно улыбнулся, похлопал меня по спине.

Я воспарил, ясно представив, как мы работаем вместе, плечом к плечу, он направляет меня, а потом, может, даже советуется со мной, и мы вместе проводим самые сложные операции на свете!

Гирс оказался вовсе не страшным. Не грандиозным. Он оказался добрым и рассеянным, великодушным и даже забавным. Он жил на две жизни, и та, в которой он был неутомим, решителен, даже грозен, оказывалась скрыта от нас (во всяком случае, от меня), нам доставались лишь блики, пустые зарницы его подвигов, а дома он был как кит, уютно покачивающийся в собственных теплых водах.

Он выглядел старше своих лет, но всю дурачился, и с ним было весело. Он обожал играть в игры, но почти всегда проигрывал, потому что много смеялся и никак не мог сосредоточиться; он обожал фильмы, но так плохо запоминал их, что мог смотреть каждый раз почти как впервые и каждый раз удивляться. Он читал, но быстро засыпал, прямо на веранде, перекатившись на бок, уронив руку с тахты и забывая снять очки, которые сползали на кончик носа, и тогда кто-нибудь обычно подходил и тихонько снимал их, а потом клал рядом на тумбочку, чтобы они не разбились.

* * *

А еще мне открылось новое, совершенно невыносимое сочетание ощущений, которое я испытывал, глядя, как Вика Гирс занимается в беседке, старательно обводя цветными карандашами контурные карты, или рисует, смачивая кончиком языка подсохший фломастер. Сидя на скамейке, она скрещивала ноги, цепляла друг за друга смуглые щиколотки в белых носках и покачивала ими, не касаясь деревянного пола. Пушистую каштановую голову она склоняла набок, как бы разглядывая свою работу со стороны. И я мог видеть ее розовое бархатное ухо, висок и кусочек шеи, золотящийся из-под хлопковой майки-поло.

Я на всю жизнь запомнил эти минуты. Как я разглядывал ее, когда она не могла этого заметить – с балкона или с крыльца, – и как удушливое чувство распираания плоти, страстная жажда внимания и одновременный страх быть застигнутым на своем унижительном посту накрывали меня с головой.

Тогда я бросался к себе в комнату, зарывался лицом в подушку и зло, почти в слезах стягивал шорты, чтобы помочь себе справиться с невероятным, почти не контролируемым напряжением.

Однако, невзирая на телесные страдания, на душе у меня было хорошо.

Утро начиналось с умопомрачительного, крышесносного запаха жареных гренков. Или оладий, или сырников. Чего-то в этом духе.

Я немедленно просыпался и, полный надежд и желудочного сока, отдавался грядущему дню.

В этом доме очень много ели. Готовили все время. Александр Львович был большим кулинаром и требовал пристрастия к еде ото всех, с кем делил кров.

– Чревоугодие – не грех, а одна из радостей жизни, – говаривал он, демонстрируя крепкий округлый живот. – А это – главная мышца радости!

По утрам он часто ездил на рынок, вставал часов в семь, неутомимый, стремительный, и уезжал. Я еще только открывал глаза, когда во двор уже заезжал, урча, сливочно-белый «Saab». Я кубарем скатывался вниз помогать, и моему алчущему взору открывался багажник, полный сокровищ.

В благоухающих пакетах были разложены и сочные новорожденные кабачки, которые по утрам превращались в оладьи, сдобренные ледяной сметаной, и розовобокие помидоры, которые появлялись на столе, заправленные ароматным маслом с красным луком и брынзой, и пряные ребрышки ягнят, с которых так вкусно объедать подрумянившийся жирок. Новоиспеченный лаваш с теплым молочным запахом, зеленые стрелки лука, кругленький молодой картофель, сливочное масло со слезой, крошечные покрытые пупырышками огурцы,

которые будут неминуемо закручены в одинаковые пузатые баночки и станут абсолютно боже-ственно-сахарно-малосольными, хрустящими.

Обычно кухней заведовала Полина. Три или четыре дня в неделю ей помогала приходящая из деревни женщина. Они готовили уху в казане, варили варенье из сезонных ягод, собранных в огороде: клубники, смородины, крыжовника. Здесь накрывали обеды во главе с холодным свекольником или пряной окрошкой на квасе с ложечкой острой горчицы, пекли маленькие расстегайчики и пирожки с капустой. Венцом творения был курник – огромный пирог с разными видами мяса, который Гирс всегда запекал сам, никому такое дело не доверяя.

А еще – домашние пельмени, которые Гирс лепил с завитушками по краю.

Мне нравилось наблюдать, как Полина раскатывает тесто в тонкий, почти пергаментный лист, потом нарезает острым краем рюмки аккуратные одинаковые кружочки, как Александр Львович подхватывает умелыми пальцами нежные лепестки теста, ложечкой выкладывает на них воздушный фарш и скручивает их в маленькие полумесяцы с краешком-косичкой. Изящные пельмени укладывались длинными рядами на большие деревянные доски и отправлялись в морозилку.

Днем все ходили на речку, а вечером заваривали чай с мелиссой и играли в настольные игры. Шашки, нарды, домино. Иногда и в «крокодила», покатываясь со смеху. Или по третьему разу пересматривали фильмы на «вхсках». Мне нравился «Терминатор», а Вике с Полиной – «Призрак», само собой.

* * *

Прошла уже неделя, а Вика все еще не отвечала на мои взгляды и случайные прикосновения. Иногда я так сильно стеснялся сам себя, что закрывался в комнате и рассматривал в зеркале лицо, кажется, впервые в жизни.

Я исследовал щеки и лоб в попытке обнаружить и подвергнуть уничтожению гнусные признаки бурлящей в крови гормональной молодости – прыщи. Но прыщей не было. Я оказался обладателем довольно приличной кожи, что вовсе не спасало ни от томления, ни от ужасной мысли: *«Лето пройдет, а все останется как есть»*.

Вика была как будто слеплена из спелого золота. Ее лицо, еще не взрослое и уже не совсем детское, сказочное, было пропитано особенным светом, который перемешивался между зеленью ее глаз и бликами светлых ресниц, сновал в уголках маленького рта, смягчался на скулах.

Что-то необычное было в ней. Она казалась совсем не похожей на других девчонок, которых я знал и не боялся.

Я пользовался популярностью у одноклассниц, которые охотно, сбиваясь в деловитые матриархальные группки, шли смотреть, как классно я гоняю мяч за школьную футбольную команду. А может, им просто нравилось то, что мне нравятся они.

Но Вика – не такая, как все. Помню, меня прямо с ног сбивало ощущение, что в этой тринадцатилетней девочке, замшевой, по-оленьему длинноногой, притаилась и уже тайно цветет взрослость. Тогда я понятия не имел, что такое искушенность, но именно это я в ней угадывал, и боялся, и желал прикоснуться к ее пальцам с глубокими гладкими лунками ногтей.

Иногда я загадывал, как кончится день: столкнемся ли с ней в коридоре, или она посмотрит на меня через стол, окатив влажным стыдным ощущением.

Бывало, я заставлял их с Полиной вдвоем на веранде; после обеда они лежали на тахте, и Полина перебирала ее волосы, то наматывая на пальцы, то распуская. Они о чем-то болтали или читали, окруженные яркими пятнами журналов, и я не решался пристроиться где-то неподалеку, чтобы послушать их домашний полусонный шепот.

Решающий день все-таки наступил. Было очень жарко. С самого утра солнце сильно прогрело дом, так что никто больше не мог спать и все пораньше выползли к завтраку.

Возле маленькой ванной комнаты я налетел на Гирса, видно, только что закончившего принимать душ и явившегося из клубов теплого пара в широком полотенце, обернутом вокруг бедер, точно какой-нибудь нептунианский жрец.

В попытке проскочить на веранду я некстати врезался прямо в его покрытую банной испариной спину.

– Эй, молодежь, полегче! Здесь уже становится небезопасно, – прикрикнул Александр Львович.

– Простите. Ой, Вика, ты тоже тут?

Вика в одной ночной рубашке, с зубной щеткой в руках стояла возле умывальника, ее рот был полон душистой пены, ее маленькие загорелые ступни темнели на мокром кафеле.

– Щещас придууу, – прошепелявила она и нагнулась к раковине ополоснуть рот.

Блинов напекли много. Теперь они, круглые, благоухающие, сдобренные сливочным маслом, стояли на столе. Рядом мисочки со сметаной, тарелочки с малосольной рыбой, розетки с красной икрой, мед – в общем, все, что может пригодиться в подобных случаях.

Гирс принес из кухни кофейник, водрузил его рядом со своим местом.

– Молока? – Я вздрогнул, услышав голос Вики, которая предлагала отцу молочник.

– Спасибо, любовь моя, – густо ответил Гирс.

– Фил, не ешь пустые блины, попробуй варенье, мы старались! Вика, передай ему варенье! – распорядилась Полина в лучшем материнском духе.

Вика протягивает руку и передает мне баночку с вишней. Я захватываю подушечками пальцев краешек ее ладони, горячей кожи на холодном стеклянном боку банки. Ее пальцы как молнии. Что она трогала ими еще сегодня? Свою шею, когда причесывалась, свои ноги, когда одевалась... становится душно, я чувствую, как лицо заливают краска, кровь приливает вниз живота, к бедрам. Приходится резко сесть. И на всякий случай немного сползти на стуле.

– Какие у кого планы на сегодня? – спросила Полина, намазывая на маленький кусочек хлеба кроваво-красные язвочки икры.

Мне нравилась Полина. Она была доброй, спокойной, с ласковыми глазами. Порой мне мерещилось, что из всех в этом доме именно Полина – моя ровесница и потенциальный друг. Смешливая, похожая на тонконогую белую птицу, она казалась невероятно юной, почти подростком. От нее приятно пахло, она отлично готовила и вообще была именно такой, какой я мог бы представить себе жену великого человека.

Полина откусила бутерброд и повернулась к мужу.

– Мы с Костей поедим в больницу. – Гирс шумно отхлебнул кофе.

– Ты же в отпуске впервые за три года! На улице жара, ну куда ты собрался? – ахнула Полина.

– Выбора у нас немного. Мне нужно проверить постоперационного больного.

– Конечно, кроме тебя ведь врачей нет, – кивнула Полина и повернулась ко мне: – А ты что будешь делать, Фил?

– Я думал пойти искупаться, – отозвался я.

Мне ужасно нравилось, как меня здесь называли. На американский манер.

– Отличная идея, дорогой! – воскликнула Полина. – Может быть, ты подождешь Вику? У нее до обеда занятия, а после вы могли бы вместе пойти на пляж, чтобы я могла остаться дома. Я хотела обработать овощи... – Полина посмотрела немного смешливо, и я сразу смутился. – Ты бы мне очень помог, – добавила она серьезно, – мы никогда не отпускаем ее одну.

Я повернул голову и встретился взглядом с Гирсом. Некоторая слабость зрения придавала его лицу мягкое обаяние беспомощности. Вот и теперь он развел руками и улыбнулся:

– Ну, раз верховное начальство приказало, я подчиняюсь. Как Полина наша Алексевна решит, так тому и быть: идите вместе, и ты там присмотри за Викторией.

– Пап, ну у меня уже скоро третий юношеский по плаванию, что ты пристаешь! – Вика встала из-за стола. – Я уже не ребенок!

– Я знаю, дорогая, – сказал Александр Львович. Он взял ее за руку и, повернув ладонью вверх, поцеловал золотистое запястье. – Но такие красивые девочки, как ты, не должны ходить одни. Я и маму твою одну не люблю отпускать. Вы у меня такие красавицы! – Он нежно улыбнулся, любуясь.

Вика наклонилась, обвила руками его шею и поцеловала.

– Как скажешь, пап.

* * *

Я был готов ко всему на свете, кроме похода на пляж в компании Вики Гирс.

В голове возникли тысяча и один вопрос: *«О чем мы будем говорить? Как мне сделать так, чтобы понравиться ей? Чем я могу ее развеселить?»*

Кроме того, была одна насущная проблема: ее близость так возбуждала воображение, что тело отказывалось подчиняться; на пляже это могло стать слишком заметно и покрыть меня позором на всю оставшуюся жизнь.

Время летело стремительно. Я успел только съездить на станцию за порцией удобрений по поручению Полины, прочитать две страницы из «Головы профессора Доуэля» (единственная приличная книга из тех, что входили в список книг на лето), покачать пресс, чтобы избавиться от одолевающих мыслей. И вот уже время обеда.

Все ели окрошку. Хвалили и говорили, что это лучшая еда в жару.

Мы с Викой проявили завидную солидарность, отказавшись от сомнительного лакомства в пользу куриного бульона.

Настал час икс.

– Ну что, ты идешь? – Вика собралась и спустилась во двор. На ней были белая хлопковая панама и ярко-зеленый сарафан, в руках – соломенная пляжная сумка. Сумку я, рискуя выглядеть нелепо, вызвался нести сам.

Захлопнув калитку, мы отправились в сторону улицы Некрасова. Двигаясь гуськом, мы ступали по узкой тропинке между заросших папоротником канавок.

Вика шла впереди, мелькая лопатками в низкой выемке сарафана. Ее пятки в веревочных шлепанцах были круглые и розовые, как сладкая вата.

Брели молча, не сговариваясь соблюдали дистанцию. Спустя три поворота и четыре улицы мы вышли к переезду перед пляжем.

* * *

На переезде лежали три велосипеда. Я сразу узнал навороченный синий «ВМХ» парня, который жил в большом кирпичном доме на соседней улице.

Ребята стояли рядом в опасной близости от края плотины. Один из них, постарше, курил, с удовольствием демонстрируя развернутые, почти мужские плечи. Другой, наш ровесник, которому принадлежал велосипед моей мечты, окликнул Вику:

– Вика, привет!

Она лениво повернула голову, остановилась:

– Привет, Макс.

– Вы купаться?

– Ага... а вы что тут стоите на дороге? На пляж не собираетесь?

– Нет, мы собираемся попрыгать, – ответил тот, что постарше, и бросил сигарету себе под ноги.

– Хотите с нами? – Макс сощурился на солнце.

– Неее. Она девочка, ты чего? – перебил его старший. – А ты пойдешь? – Он вдруг повернулся ко мне и оглядел с ног до головы. – Или сыкотно? – уточнил он, показав крупные редкие зубы и розовую десну.

У меня похолодело в груди. Перед глазами вдруг запрыгала мотающаяся голова паренька, которого Гирс вытащил из реки десять дней назад.

Я взглянул на Вику. Как в тот раз, на плотине, время застыло, и все перестало существовать. Только стук сердца в ушах и в горле.

Вика стояла молча, переводя зеленоватый взгляд с Макса на меня и снова на Макса.

– Ну что, пойдешь прыгать? – произнесла она.

Ее глаза пролились в меня. Я не мог вздохнуть. Ее губы раздвигались и округлялись, выговаривая слова.

– Че-то по ходу у кого-то очко играет, – хохоток Макса.

– Конечно, пойду, – мой голос прозвучал словно издали.

– Давай тогда ты первый... – сказал Макс, – а мы поглядим.

– Почему я первый-то?

Парни смотрели ровнехонько на меня, и что-то изнутри шепнуло: *«Была не была»*.

Я перевел взгляд на Вику.

Удержит? Отговорит? Я дал себе последний шанс понадеяться, хотя надежды, разумеется, не было никакой.

Свет из-под ресниц притушен, она наблюдала с простодушным кошачьим любопытством. *«Она что, не догоняет, как это опасно?»*

И тут мне стало совершенно ясно: *«Все она прекрасно понимает. Просто ей интересно. Смогу или нет. Им всем интересно...»*

Краем глаза я заметил, как тот, что курил, сел на велик, но продолжал пялиться.

* * *

Потом было уже все равно. Ноги сами оттолкнулись от парапета, выбросив меня далеко вперед. Внутри все восторженно взвинтилось, и, на секунду взмыв над бурлящим чревом плотины, я стремительно рухнул в воду.

Врезался в колючий поток с размаху, неудобно, больно ударившись боком. Но холодная свежесть развеселила меня, надала волной, и я азартно заработал руками, загребая влево, чтобы миновать центральную часть ревущей пенящейся пасти.

«Парни смотрят. Вика смотрит. Интересно, она видит, как это страшно?»

Я был готов прыгать снова и снова, взлетать над водой сколько угодно оттого, что в глазах у меня стояла Вика Гирс. Это были река и солнце, брошенные к ее ногам...

Потом я понял: что-то не так.

Ничего из того, что я делал, не помогало продвинуться к берегу. Ни слаженные движения брассом, ни отчаянный рывок кролем перед финишем, как учил тренер в бассейне ЦСКА. Я напрягал руки так, что, казалось, сухожилия вот-вот лопнут и вырвутся сквозь подушечки пальцев. Ноги налились тяжестью, и сколько бы я ни бился, желтый поток с металлическим привкусом продолжал затягивать, скручивать меня винтом. Кисловато-свинцовая вода во рту, в горле, в носу. Но мысль приходила только одна: *«Лучше сдохнуть, чем позвать на помощь, когда они смотрят»*.

Я точно помнил, что наверху – прозрачное небо, я даже видел его краешком сознания, но тело уже поддалось, провалилось куда-то вниз, одержимое душающей настойчивостью реки.

«Неужели это происходит так просто? Смерть такая простая?»

«Если попал в обратное течение, не пытайся сократить расстояние, плыви вдоль течения», – раздался вдруг в голове голос Гирса.

Точно!

Я перевернулся на спину, чтобы передохнуть, и осторожно, экономя силы, начал грести вдоль реки.

Довольно скоро меня перестало отбрасывать назад, кажется, я успел удивиться, и в этот момент колено ткнулось во что-то мягкое. Потом второе. Рука нащупала илестую жижу. Течение относило меня ближе к берегу.

– Филипп! – Вика кричала, как обычная девчонка.

Я почему-то думал, что она не может просто кричать.

Стоя по колено в воде, она протягивала мне руку. Я плохо соображал, что происходит, видел только, что мокрый подол сарафана прилип к ее ногам, мешая двигаться.

Наконец, она поймала мои пальцы, потом запястье, вцепилась намертво и так сильно потянула к себе, что я, и так переминаясь почти на четвереньках, едва снова не упал лицом в воду.

Земля на берегу оказалась очень твердой, похоже, я никогда раньше не чувствовал, насколько земля по-настоящему великолепно твердая. И уходящая из-под ног.

Я осел на траву, закашлялся, хватая ртом воздух. В груди болело. Больше всего я боялся, что меня вырвет. Но ничего, обошлось.

Вика сбегала куда-то, вернулась и положила мне под голову полотенце. Потом опустилась рядом, уставилась на меня. Я очень хорошо видел ее ресницы, пушистые, почти прозрачные на солнце над кромкой ореховых глаз.

На мгновение она замерла, затем наклонилась и поцеловала меня, подминая мои губы своими – мягкими, летними губами.

Тут в глазах помутнело, свет померк, и сознание покинуло меня.

* * *

– Один в поле не воин – самая большая глупость на свете. Она придумана какими-то инертными людьми, – сказал Александр Львович, разливая ледяную водку по рюмкам. – Человек полностью несет ответственность за свою судьбу. Страшно, конечно, но как иначе?

«Лучше и не скажешь».

Только мы решаем, какой будет наша жизнь. Гирс собственным примером доказал, как много может сделать один человек. Сколько жизней он уже спас? Если вдуматься, среди спасенных были и жизни государственных людей, влияющих на ход истории... тем летом, казалось, я становился способен разглядеть очертания своего будущего, нащупать, каким хочу стать.

В тот вечер у Гирсов были гости.

Ужинали вместе всей компанией. Двое врачей, чьи шутки понимали только они сами, какой-то английский адвокат, который выглядел как настоящий английский адвокат даже здесь, на даче. В костюме, с портфелем и высокой женой, не вынимающей изо рта сигарету.

Но больше всего меня впечатлил другой гость. Он оказался известным сценаристом, только что получившим во Франции важную награду за работу над фильмом о русской эмиграции. И это было страшно интересно.

В ту пору я еще не слишком много знал о революции, но даже тогда история разрушения, история чего-то прекрасного и безвозвратно потерянного оставила во мне странное ощущение.

Смутное чувство, как нечто самое важное просачивается сквозь пальцы, словно песок в часах, и что бы ты ни делал, как бы ни старался, ты не сможешь ничего удержать.

А еще сценарист привез с собой несколько баночек гусиной печени. Шокирующее открытие о ценности цирроза в кулинарии.

Ужин был шумным, все много ели и пили, а веранда плыла в теплых облаках винных паров и сигаретного дыма.

Мы с Викой уселись рядом, якобы невзначай, и теперь под столом она тихонько касалась своим маленьким коленом моей ноги, закручивая в моем юношеском естестве восхитительный узел невероятного счастья и абсолютного страха.

Я не знал, что должен делать дальше, как лучше поступить. Но точно видел, что сегодня на реке она разглядела во мне нечто, чего не замечала раньше, и ее неподатливое лицо капризного ребенка смягчилось, оказавшись немного похожим на лицо ее матери. Нежным, открытым.

Впрочем, есть женское и ласковое, а есть мужское и интересное.

Несмотря на волнующий фон интенсивных романтических переживаний, я не мог оторваться от того, что рассказывал Гирс.

На днях он провел какую-то очень сложную рискованную операцию и сегодня ездил проверять пациента, который все еще болтался где-то между жизнью и смертью.

Папа редко спорил с Александром Львовичем, но в тот вечер примерно между ароматным пловом и яблочным пирогом в отце проснулся дух противоречия.

Их спор продолжался довольно долго, и внимание слушателей уже слегка притупилось.

– И все-таки, Саша, я считаю, это был неоправданный риск. Ты бы хоть дождался результатов повторных анализов, – произнес папа, опуская на стол пустую рюмку, которая, вполне вероятно, и явилась катализатором его неожиданной несговорчивости.

– Костя, дорогой, мне на хрен не нужны были никакие повторные анализы. Я прекрасно знаю, что с ним и как. – Гирс облокотился тяжелыми руками на стол, его добрые глаза подернулись холодком. – Нужно было решать как можно быстрее, а не сопли на кулак наматывать! – Вдруг он развернулся в другую сторону. – Полина, поставь, пожалуйста, бокал и помоги с сое. Вон стынет же все!

Полина отставила в сторону почти пустой бокал и поднялась, но пошатнулась, и увесистая ложка, которой она собиралась подцепить пышущее паром овощное рагу, со звоном упала на пол.

– Полина! – Гирс подхватил ее под руку.

Я едва успел вздрогнуть, а Вика уже помогала – раскладывала по тарелкам рагу. Кабачки, баклажаны, сладкий перец, лук, морковь.

– Не обращай внимания, папа не любит, когда мама пьет, говорит, у нее плохая наследственность, – шепнула мне Вика, вновь усаживаясь рядом.

Отец меж тем не сдавал позиций. На его лице появилось отнюдь не смиренное выражение.

– Но с таким диагнозом этот пациент мог бы вполне прожить еще лет семь. А теперь непонятно, выживет он или нет.

– Костя. В этом и разница между нами... – вздохнул Гирс и снова наполнил рюмки. – Ему тридцать пять лет, Костя, и ты считаешь, что он был бы счастлив кое-как протянуть до сорока? Без баб, без спорта, без возможности сходить с друзьями в баню или, вот, выпить водки... Я дал ему шанс, и если он выкарабкается, то отлично проживет еще лет двадцать, а то и тридцать. Не факт, что мы с тобой столько проживем. – Он поднял рюмку. – Давай за его здоровье.

– Вот так всегда, Саша. Так всегда ты... делаешь только то, что тебе... – отец, не чокаясь, выпил свою водку, его взгляд слегка увлажнился.

– Что всегда?

– Давай честно, мы давно обсуждали эти твои опыты. Тебе очень хотелось провести эту операцию, ты долго ждал подходящего случая. И этот-то не слишком подходящий... ты же

не объяснил родным, что был другой вариант, более спокойный, менее рискованный. Просто нужно было подождать, – папа говорил негромко, но слышно было хорошо. – Признай, просто признай: ты делаешь это из гордости... Ты хочешь быть богом, Саша. Богом хочешь быть, и чтобы все об этом знали.

– Костя, ты дурак. Передо мной, Костя, иногда по нескольку раз на дню стоит выбор: либо стать богом, либо пустить все на самотек. И я уверен, что мужчина и настоящий врач не может снять с себя ответственность и бездействовать. – Гирс нахмурился, но это длилось мгновение, не больше.

– Ооо, Косте больше не наливать, – сказал он и подмигнул мне, – и Полине, кстати, тоже. – Он встал, обошел стол, нагнулся и обнял одной рукой меня, а другой отца. Рука у него была горячей, от кожи пахло водкой и дорогим одеколоном.

– Твой папа – отличный врач, но слишком нерешительный, – сказал он примирительно. – И видит меня насквозь, видит, какой я нетерпеливый. – он рассмеялся. – И за это я его очень люблю! А тебе, Фил, сегодня придется проводить его до опочивальни, ибо я волнуюсь, как бы он не сверзнулся по дороге.

Глава 2

Полина и Галя

Август перевалил за половину, удлиняя тени. Через пару недель осень, а значит – возвращение в Москву, от мысли о котором становилось жутко тоскливо. Я свыкся с этим домом, с его обитателями, и мне уже казалось, что я знал их всю жизнь, когда на меня неожиданно свалилось прошлое семьи Гирсов.

В тот день Вика уехала с отцом, а я бродил по дому, не находя себе места от тепла и сонного летнего безделья.

Миновав коридор, я заметил на веранде Полину.

Она сидела, о чем-то задумавшись. На столе перед ней было разложено множество фотографий и несколько раскрытых бумажных фотоальбомов. Я загляделся на ее руки: пальцы хрупкие, почти прозрачные, обручальное кольцо вот-вот соскользнет. У моей мамы были уютные, пухловатые ладони, и, сколько себя помню, золотой ободок на ее безымянном пальце был надежно упрятан в пышную, как подошедшее тесто, плоть.

Хотелось посмотреть, что там за фотографии, и не хотелось беспокоить.

В нерешительности я сделал несколько шагов вперед, она подняла голову и увидела меня.

– Фил, дорогой, привет.

– Здравствуйте, Полина Алексеевна.

Полина приподнялась на стуле:

– Ой, ну перестань, какая я Полина Алексеевна! – отмахнулась она. – Может, хочешь перекусить, или скоро уже ужин? Сколько времени? – Она покосилась в сторону настенных часов. Было немногим больше пяти вечера.

– Нет-нет, я просто...

– Я тут копаюсь в наших фотографиях, пытаюсь навести порядок. – Полина покрутила в руке карточку.

– Ой, а можно с вами? – Я приблизился к столу.

– Конечно, если тебе интересно...

– Я очень это люблю. Можно посмотреть? – Полина кивнула, и я взял одну из фотографий, лежавших сверху. – Какая вы здесь! Как Вика!

Полина засмеялась:

– Ну не как Вика, мне здесь шестнадцать лет. Это год, когда я познакомилась с Сашей, с Александром Львовичем. Вот, взгляни. – она протянула фото.

Из черно-белого 1981 года на меня смотрит юная Полина. Она, крошечная, хрупкая, совсем еще подросток, стоит с огромной тарелкой вишни в руках и улыбается кому-то за кадром. Вишни с горкой, одна ягода готова сорваться с тарелки и упасть. Но никогда не упадет.

Полина сияет улыбкой, а у меня возникает мысль, что, если бы Вика Гирс когда-нибудь улыбнулась мне так же, как эта девочка на фотографии, я бы тут же умер от счастья.

На другой фотографии Александр Львович уже стоит в кадре рядом с Полиной. Он обнимает ее за плечи одной рукой и выглядит почти как сегодня. Может быть, слегка полегче.

– Сколько вам здесь?

– Мне семнадцать, а Саше почти тридцать.

– Ничего себе! А как вы познакомились?

– Я расскажу, если тебе интересно и если ты сможешь мне вставить в рамки некоторые фото, баш на баш. – Полина подмигнула и пододвинула на центр стола стопочку деревянных рамок. – Ты, наверное, не знаешь, что Александр Львович спас мне жизнь. Мы с родителями жили в городе N, это было не самое приятное место в то время...

* * *

Полина росла в странной семье. Сестра Галя называла их семейство «королевством кривых зеркал».

«Потому что у нас все не так, как кажется с первого взгляда», – говорила она.

Маму девочек Марусю любили все. Маруся была доброй, славной и очень терпеливой. Иначе как бы она жила с их отцом. Ангельской наружности, светловолосым Лелем-Лешенькой, хмельным азартным красавцем, куражистым и злым, как выпьет. Нежный и податливый в лучшие дни, он дарил Марусе и девочкам сладости и подарки, а если дела шли плохо, избивал жену так жестоко, словно видел в ней телесное воплощение своих бед, и упрямо выколачивал из нее всю силу, всю жизнь. Маруся же, оклемавшись, жалела его. Ей почему-то казалось, что только благодаря ее любви Лешенька еще держится на этом свете, буйная головушка.

А еще Алексей был верующим. Да таким истовым, таким горячим, что не приведи Господь. Он не пропускал ни одной утренней службы. Часто бывал и на вечерних, когда был трезв.

Он входил в церковь с замиранием сердца и упоением ребенка, ставил свечи, вознося хвалы и жалобы, прося заступничества. Знал, где мужская сторона храма, а где женская. Знал, какого святого просить о здравии, какого об удаче в делах. Карамельная изнанка храма, теплая, как детское небо, успокаивала и умиляла его, растапливала сердце в мягкий воск. Здесь, рядом с Господом, с младенцем Иисусом, он чувствовал себя хорошим. Твердо знал, что он не последняя душа, что любим и что тянется к нему откуда-то с небес отеческая похвала за усердие и молитвы.

Алексей строго-настрого соблюдал посты, и в Великий был особенно требователен к домочадцам. От усердия он выучил молитвослов и теперь ходил к причастию, светясь от гордости и тайного удовольствия. Ходил он чаще к одному батюшке. Батюшка был мудр и справедлив, назначал послушания, журил и напутствовал, и Алексей всякий раз знал, что его ведут. Ведут его душу к Спасителю. Ну а то, что он грешен, так все мы грешны, и бог раскаявшегося грешника любит даже больше, чем праведника. Это он хорошо запомнил.

Но стоило ему выпить, как в него вселялись черти. И были это не какие-то скромные бесы, а залихватские наглые черти, питающиеся человеческой кровью, сердечным мясом и самой солью человеческой души. Что поделаешь, человек – любимое дитя Господа, грешен.

В городе про их «королевство кривых зеркал» ходили разные слухи еще и потому, что бабушка Люся, Марусина мама, была гадалкой. И нагадала баба Люся немало горя разным людям. Теперь они обходили ее стороной. Однако происходила от ее гадания и осязаемая польза, так что имелись у Люси свои поклонники.

В свободное от прорицания время Люся работала главным бухгалтером на заводе Гидропресс, звалась Людмилой Алексеевной и дирижировала цифровыми комбинациями. Она носила шелковые блузки, узкие юбки, стригла темные волосы в модное каре и отличалась той худощавой, скуластой красотой, что с годами не округляется добродушной мягкостью, а лишь обветривает лица, делая их все суше и непреклоннее.

Поговаривали, что у Люси татарские корни, и, может быть, именно азиатский ген прорисовал в ее облике смуглую хищность, несвойственную нежным славянским чертам.

Люся жила одна, вечерами облачалась в длинный шелковый халат, варила черный кофе и с наслаждением растягивалась на диване с книгой. Никакого телевизора, никакого ужина и никакого мужа. Только Гале и Поле, двум внукам, разрешалось иногда бывать в гостях у Людмилы Алексеевны, которая не жаловала ни свою глупую дочь, ни тем паче ее непутевого супруга.

Из окна спальни девочки часто видели, как у Люсиного дома подолгу стояли автомобили, каждый раз разные. Водители этих красивых машин обычно курили, прислонившись спиной

к ограде, а пассажиры проводили часы напролет у бабушки в гостиной, засиживаясь глубоко за полночь.

В такие вечера в доме пахло табаком, коньяком, духами и магией. А девочкам было абсолютно очевидно, откуда у бабашки Люси все эти заграничные вещи и кофе «Lavazza» в шкафчике буфета.

Сами девочки представляли собой идеальный образец инь-ян.

Галя родилась на четыре года раньше, но даже случись ей появиться на свет младшей, повзрослела бы первой. Она была рослой девочкой, большеглазой, с бронзовой россыпью веснушек и ярким выразительным ртом. Статью Галя пошла в мать. Высокая, длинноногая Маруся тоже сочилась жизнью, наливалась земными соками, но была смиренной и тихой.

Характером Галя походила на отца. Темпераментная, нетерпеливая, она уже в школе знала, как сильно нравится мальчикам и ребятам постарше. Она слыла первой красавицей, а главным ее развлечением были знаки внимания местных парней, приезжающих встречать ее после уроков на мотоциклах или даже на «жигулях». Однако в ее далеко идущие планы не входили отношения с мальчишками из города N. Галя точно знала, что наберется опыта, погуляет немного, а потом непременно выйдет замуж за мужчину, который увезет ее в Москву. И все изменится раз и навсегда.

Младшая Полина с точностью до наоборот.

Взявшая от отца хрупкую тонкокостную структуру, нежные светлые волосы, почти белые брови и ресницы, она выглядела прозрачной, как тюль. И даже глаза у нее были, будто вареная джинса, выстиранного бледно-голубого цвета.

Характер же ей достался материнский, тихий и безмятежный.

«Полинка никогда не отвечает», – смеялся отец, и каким-то укромным уголком сознания Полина догадывалась, что раздражает его своей кротостью, почти так же, как раздражала Маруся.

Он бесился, будто желая разбудить в них нечто, чего у них и в помине не было. Будто их безответность сама по себе была воронкой, идеально приспособленной для того, чтобы он сливал туда свою звериную ярость и затем успокаивался, разомкнув внутри какую-то тугую пружину.

Иногда Полине казалось, что он похож на ангела смерти – такого же прекрасного и беспощадного. Ей было страшно.

Маруся же умела предвидеть эти приступы боли, когда Лешины глаза становились совсем прозрачными, словно наливались ртутью, и все человеческое проваливалось куда-то, а на поверхность проступала чистая, незамутненная ненависть.

В такие моменты Маруся, если не успевала скрыться за дверью, сворачивалась в улитку и становилась похожа на эмбрион. Она не выставляла вперед руки и не пыталась защищаться, потому что это еще больше раззадоривало мужскую пружинистую злость.

Он азартно бил ее ногами, а Марусино тело, словно приспособившись, упрямо амортизировало удары. Ее тело принимало, поглощало и смягчало его кулаки, его злость, его возбуждение. Он насиловал, бил, целовал, проливал слезы, и его напряжение спадало, уступая место навязчивой плаксивой виноватости.

Несколько раз Маруся попадала в больницу. Все, конечно, знали, что происходит, и однажды врач, заведующая приемным отделением, немолодая строгая женщина с прокуренным басовитым голосом, спросила у Маруси:

– Не хочешь его посадить? Он же тебя убьет...

– Не убьет, Мариночка, я же ему больше всех нужна, – отвечала Маруся, шамкая разбитыми губами.

В тот раз, когда ее привезли в больницу, она была больше похожа на оковалок сырого мяса, с надорванным ртом, с булькающей влажностью ран на месте ребер, с окровавленной промежностью.

– Тогда я его посажу, – решительно сказала заведующая.

Маруся занервничала, захрипела, на ее затекших веках выступили слезы.

– Дай объяснить! Он же несчастный человек... Он ведь почему слабость мою ненавидит – от жалости ко мне. И не потому, что сам сильный. – Маруся с трудом повернула голову. – Лешенькин отец убил его мать и чуть его самого не прибил, ирод. Лешка ж полдетства просидел запертый в шкафу. И через прореху в дверцах глядел, как папка его молотком отбивал пальцы матери. А потом и вовсе... заколотил он ее до смерти, понимаешь? И даже не молотком заколотил-то, не топором. Ты представь, он забил ее деревянным крестом! Крест он спьяну притащил с кладбища, потому как решил, что бес в жену вселился. Леше шесть тогда было всего... На его глазах мамки не стало... Когда дед Андрей очнулся, то плакал, говорил, что жену от дьявола спасал, а оно вот как вышло-то...

Галя не слишком сочувствовала матери. Про себя она называла ее тряпкой, слабой, глупой тряпкой. Побирושкой, ожидающей лишь отцовской любви. Жадной до его ласки.

Она вызывала у Гали не столько сочувствие, сколько раздражение и брезгливость. Ей неприятна была даже мысль, что такая женщина могла быть ее матерью.

Галя как зеркало дублировала те чувства, которые испытывал к Марусе отец. Привязанность, зависимость, раздражение, злость. Иногда стыд.

Галя сильно любила отца, была похожа на него и получала от него все, что хотела. Она довольно рано стала жить своей жизнью, встречаясь с парнями, приходила домой поздно, с плотоядным удовольствием пользуясь свободой своего возраста и красотой своего тела.

А Полина боялась за Марусю.

Однажды она кинулась защитить маму, но тут же отлетела, ударилась о стену и уже в следующее мгновение, хватая ртом воздух, увидела сладкий, с оттяжкой, почти неспешный удар отцовского кулака по Марусиному лицу, услышала, как клацнули ее зубы. Полину вырвало прямо там, в прихожей, и, поскользываясь на собственной рвоте, она уползла в комнату, забила под кровать и лежала в темноте, пытаясь справиться с собственным телом, которое выкручивало сильной, неумной дрожью.

– Мама, пожалей меня, пожалей нас...

Полина не знала, что еще сказать, как уговорить Марусю оставить отца.

Маруся обычно гладила ее по голове и терпеливо объясняла:

– Полечка, никогда не мешай ему, слышишь? Он же не в себе тогда был... мог и тебя задеть...

– Но, мам, как ты можешь его любить?

– Послушай, твой папа хороший человек, просто очень несчастный, – снова и снова терпеливо объясняла Маруся. – Ты пойми, он так настрадался в детстве. И даже не от побоев. Он так мучился, так боялся, так долго жалел свою мать и совсем ничем не мог ей помочь! Понимаешь? Ничем! И вот с тех пор-то он ненавидит самую суть страдания. Самое доньшко... Он ненавидит страдания и страдальцев. И слабость тоже. У него на это... как бы это сказать... аллергия, вот.

Маруся гладила Полинину светлую макушку.

– Дай поцелую тебя вот сюда, в маковку... Ну так... Понимаешь, Полечка, он злится, потому что я ему как заноза в сердце. Любит он меня, боится за меня, и все уму-разуму пытается научить, да уж поздно... Может быть, он и не понимает, что я никогда не откажусь от него. Как отказаться от мужа-то? Грех и предательство это... Эх, Поля, не может он поверить в мою любовь. Вот и проверяет.

В хорошие времена, которые иногда продолжались по несколько месяцев (обычно они наступали, когда Алексею прилетала непыльная работа от людей, «державших» город N, и Алексей вырубал шальные деньги), Маруся ходила как королева. Откуда-то муж доставал ей французские духи, шелковые платки, колготки и туфли. Девочки были одеты лучше всех в школе, и этим райским временам радовалась вся семья. Но предсказать, когда они закончатся, никто никогда не мог.

Разве что бабушка Люся. Но она хранила молчание. А может, не знала, что сказать.

Людмила Алексеевна не сразу махнула рукой на свою дочь.

Несколько лет она скандалила, караулила, не пускала Марусю домой, потом трудолюбиво уговаривала, пыталась писать заявления, подключать связи, но все усилия как о стену разбивались о Марусину слепую любовь.

В конце концов, сообразив, что «так уж устроена Марусина душа: желать всегда находиться на грани жизни и смерти и получать от этого удовольствие», Люся отступила, прекратив всякие попытки спасти ее. А может быть, сделав однажды один из своих раскладов на Таро, Люся увидела там нечто такое, с чем бессмысленно бороться и чего нельзя избежать.

Освоив все премудрости гадания на картах, Люся отнюдь не была фаталисткой.

Девочки часто спрашивали ее, пытались вывести на разговор. Но он всегда заканчивался одним и тем же:

– Бабушка, а что будет со мной, когда я вырасту? Бабушка, а я выйду замуж? А кем я стану?

– От вас зависит, – бросала Люся. И потом добавляла: – Любая информация о будущем, неважно: нумерология, астрология или таро – да что ни возьми, хоть кофейную гущу, – это всегда тенденция. Карты показывают то, что может произойти с тобой, исходя из той тебя, что есть сейчас. Из твоих решений, из твоих состояний и мыслей. Но если завтра ты изменишься, то и прогноз изменится. Почти наверняка. Хотя бывают исключительные повороты в судьбе, которые, крути не крути – не выкрутишься.

Иногда Галя с Полиной заглядывались на Люсины многочисленные колоды. На многомерные, загадочные миры, где шут с цветком в руке путешествует по своей вселенной, встречая то императора, то древнюю жрицу, то огненного льва. Где герой то несется на волшебной колеснице, запряженной сфинксами, то замирает в обманчивом свете луны, загипнотизированный ее искажающей магией, а потом встречает новый рассвет.

Бабушка Люся много рассказывала им о Таро.

– Таро – это система знаний, – говорила Люся, зажигая желтые свечи, приглушая свет в красном бархатном абажуре с хрупким скелетом, – когда-то давно очень мудрые люди, наблюдающие картину мира и разбирающиеся в механизмах человеческой жизни, создали эту систему. Ее связывали и с каббалой, и с египетским древним культом, чего только не рассказывают...

– Мы можем сами себе гадать? – допытывалась Галя.

– Наверное, для этого нужно обладать особыми способностями, – предполагала Полина, – уверена, я бы ничего не смогла понять.

– Тема способностей и того, что нужно обязательно обладать каким-то даром ясновидения, чтобы гадать, сильно преувеличена, – отвечала Люся, разливая чай в тонкие, как скорлупа, круглые чашки. – Карты – это очень структурированная система, она четко поделена на сферы. Карты символизируют разные энергии, события, людей. Они связаны между собой и в разных сочетаниях могут поддерживать, усиливать, а могут ослаблять друг друга. Все это можно выучить и просчитать практически с математической точностью. Так что тут дело в желании учиться.

Девочки часто сидели, заслушавшись, до поздней ночи. Пока за окнами шуршал дуб, пока на столе, обливаясь воском, тлели мягкие жирные свечи. Пока Люся плела кружево тон-

чайших раскладов и рассказывала, покачиваясь в кресле, о чем нашептал ей отшельник из девятого аркана...

Но однажды бабушка Люся все же нащупала где-то в одном из ведомых ей миров нежную, призрачную нить Полининого будущего. Что-то такое привиделось Людмиле Алексеевне, что она взяла Полину за руку и, мягко пожав, сказала:

– В твоей жизни будет особенный человек. Он приедет издалека, изменит твою жизнь. И изменит он твою жизнь дважды.

* * *

– Проси прощения, сука! Я хочу видеть, что ты понимаешь, как ты виновата! Тупая тварь!

– Прости меня, прости, пожалуйста, – шепчет Маруся, умоляюще сложив на груди руки.

Он смотрит на нее. Он сжимает ей горло. Его тонкие маленькие пальцы похожи на скользких зубастых рыбок, которых Полина видела в реке.

– Извиняйся, – приказывает он.

И Маруся молит о прощении, снова и снова, сипящим горлом, полным слез. Ужас в ее глазах утраивает его силы и ярость.

Он встряхивает ее за шею, почти отрывая от земли, потом бросает на пол, и ее крупное тело, будто перышко, скользит, ударяется о батарею.

Он тут как тут, бьет ее ногой в живот, затем хватает ее за волосы, наматывая на руку тяжелую косу, и бьет наотмашь. Ее голова, дернувшись, откидывается назад.

– Только руки об тебя марать...

Он хватает табурет, что стоит тут же, возле окна. На этом табурете Маруся нередко сидит, глядит в окно, ждет Лешку домой.

Он замахивается и бьет Марусю табуреткой поперек спины. Видимо, ему становится неудобно – одним мощным ударом об пол он разбивает табурет, и в руке у него остается только ножка. Ножка-колотушка. Деревянная палка должна пробить голову.

Что-то подхватывает Полину, придает ей сил, и она одним рывком оказывается в комнате.

Она пришла из школы раньше обычного. Одно мгновение, пока Полина еще в оцепенении стоит на пороге, ей кажется, что над телом матери, неподвижным, уже даже не скрюченным, а распластанным, орудует хищная белобрысая птица, что птица рвет клювом куски материнской плоти, пьет ее кровь.

Какое-то жуткое чувство впивается в Полину. Чувство такой силы, что перед глазами все плывет, сердце бесится, его ритм штурмует ребра, прокалывает каждый сосуд крошечной иголочкой, сносит все на своем пути.

«Так вот он – гнев», – проносится в голове Полины, перед тем как она кидается на отца и вцепляется ему в волосы, что есть силы отдирая его от Маруси.

* * *

Когда Полина очнулась в первый раз, она увидела окно. И поняла, что это незнакомое ей окно. Белое, с упавшими по бокам занавесками. Занавески медленно шевелились, похожие на слизней. Полина закрыла глаза.

Когда Полина очнулась в следующий раз, она снова увидела белое окно. Занавески по-прежнему шевелились. Ей казалось, что она видит сон про это окно, и она плывет по теплой реке, покачиваясь на воде, в такт странным шевелящимся занавескам.

В следующий раз, когда Полина открыла глаза, окно загоразивал темный высокий силуэт. Потом силуэт склонился над ней:

– Эй, привет, – произнес он откуда-то издалека.

А потом кто-то другой держал ее за руку, пониже локтя, и что-то ковырял внутри, под кожей. Она закрыла глаза, ей было неприятно думать, что нечто поселилось у нее под кожей.

Полина открыла глаза и поняла, что вечер. Окно было темным, но откуда-то лился мягкий электрический свет. Она моргнула, вдохнула-выдохнула, проверяя, может ли совладать со здешним воздухом. Осторожно шевельнула рукой.

– Ну надо же! Наконец-то! – услышала она женский голос, и возле ее кровати что-то задвигалось, потом мимо пронеслось нечто круглое в белом халате, и тот же голос выкрикнул куда-то в пустоту:

– Позовите Александра Львовича!

Полининых сил хватило на то, чтобы увидеть, как над ней склоняется высокий человек, блеснули стекла очков, кто-то взял ее за запястье, плотно обхватив его пальцами. От этого прикосновения ей стало уютно, и она заснула.

Потом она снова просыпалась и погружалась в сон. Но с каждым разом она задерживалась на «этой» стороне все дольше и увереннее, и почти каждый раз здесь ее ждал сильный человек, который протягивал ей теплую руку, и она оживала.

* * *

У Гали не было четкого плана, но врач ей определенно подходил. Высокий, крепкий, смуглый, как бразильский орех. От него за километр пахло мужской силой, надежностью, большими возможностями. В общем, всем тем, что и требовалось для Галиного полного счастья.

Впервые Галя столкнулась с ним, когда забежала навестить Полину после того, как та, маленькая идиотка, полезла отцу под горячую руку. Хорошо хоть, не убил.

Галя не любила больницы, да и кто их любит? К Марусе она уже давно ходить почти перестала. Так и жить некогда будет, если каждый раз, как мать подставляется, проводить с ней дни напролет в палате. Но по младшей сестренке Галя соскучилась.

Врач поднялся со стула, и сначала она увидела его коротко остриженный затылок, потом он повернулся, и она определила под накинутым белым халатом модные джинсы и пиджак. Лицо мягковато – интеллигент. Из таких веревки вить. Очки немного нелепые, зато часы. Все как надо, все правильно. И смотрел он правильно – по-мужски.

Галя определилась сразу. Она была рада, что сегодня надела короткое платье, не скрывающее ее упругие ноги, высокие колени.

– Добрый день, Александр Львович Гирс, врач Полины, – произнес он, и голос ей тоже понравился. Среднего тембра, с грозowymi тестостероновыми перекатами.

– Галина. – Галя подошла и протянула ему руку. – Я сестра Полины.

Александр Львович (*«Хотя ей-то он, конечно, скоро будет никакой не Львович»*, – решила про себя Галя) слегка пожал ее ладонь, кротко улыбнулся и заметил негромко, себе под нос:

– Что-то раньше я не видел у Полины посетителей, кроме бабушки.

– А меня не было в городе, – нашлась Галя. – Поверьте, теперь я буду бывать здесь каждый день.

И Галя не соврала. Она с энтузиазмом взялась за дело. В ход шли обтягивающие грудь водолазки, узкие, как вторая кожа, тесные брюки, туго сидящие на бедрах, точеные щиколотки и копна каштановых волос.

К ее удивлению, Александр Львович, которого она сразу отнесла к категории мужчин, высоко ценящих женскую привлекательность, и с которым, по ее разумению, у нее не должно было возникнуть проблем – так вот, к ее удивлению, Гирс не обращал на нее никакого особенного внимания. Будто, оценив ее при первой встрече, он списал ее со счетов, вынеся неутешительный вердикт.

Это было абсолютно необъяснимо. Непохоже, что он был женат. Кольца не носил, пропал днем и ночью в больнице...

Галя искала и пыталась найти в его взгляде, рукопожатии хотя бы намек на заинтересованность, но наталкивалась лишь на прохладную вежливость.

В один из визитов Гале показалось, что она почти нащупала некий едва уловимый импульс, напряжение, возникшее, когда она входила в палату Полины.

Гирс как раз выходил, и они столкнулись в дверях. Она налетела на него, окунувшись в кедровый запах его кожи и туалетной воды. Он задержался, пропуская ее.

Они замешкались. Это длилось всего мгновение, но у Гали словно сердце выросло наполовину. Ритм его вдруг стал как будто объемнее, глубже, расходясь по всему телу плотными толчками.

Она решилась и, якобы споткнувшись, прислонилась к широкой, уже немного грузной фигуре Гирса, прижалась к нему спиной, поясницей, почувствовала тепло его дыхания на своей макушке, на кончиках ушей.

– Прошу прощения, это моя вина, – его голос прозвучал совсем близко и довольно безучастно.

Он осторожно сделал шаг назад и отстранился, создав между ними бездну, которой до этого момента Галя предпочитала не замечать.

Полина в этот момент приподнялась на подушках, оперлась тонкими плечиками и не мигая смотрела на них, растерянно улыбаясь. Маленькая дурочка.

Сначала Галя опешила. Целый день не могла прийти в себя. Затем, пораскинув мозгами, решила не спешить и пошла к бабушке Люсе.

– Погадай мне на одного человека, – попросила она как-то вечером.

Через два дня Полину должны были выписать, а Галя все еще не получила приглашение даже на чашку чая в больничной столовой.

– Опять? – Люся сурово нахмурила брови. – Не стану я тебе гадать, сколько можно по всяким пустякам меня дергать!

– Нет-нет, на этот раз все очень серьезно! – воскликнула Галя и тут же поняла, что для нее все действительно очень серьезно.

Было в Галиных словах нечто искреннее, что заставило смягчиться Людмилу Алексеевну. Однако расклад Любовный Оракул был неумолим.

– Видишь пятерку мечей рядом с твоим королем? Это плохо. Эта ситуация принесет много горечи, противоборства, а потом может обернуться для тебя стыдом. – Люся ткнула пальцем в карту, изображающую трех мужчин, стоящих на ветру у моря, с разбросанными вокруг мечами. – Этот человек тебе не по зубам, имей в виду.

Галина припомнила, что рассказывала Людмила Алексеевна раньше.

– Но, ба, ты же сама говорила, что все не окончательно!

– Да, но в данном случае тебе не нужно ждать особого расположения, на мой скромный взгляд. А там делай, как считаешь нужным, я ни на чем не настаиваю, – Люся откинулась в кресле и закурила. – Налейте нам чаю?

Той ночью Галя почти не спала. Она лежала, глядя в потолок и гадая, не упускает ли свой шанс.

Врач, хирург, привлекательный мужчина, идет в Москве на повышение, холост, воспитан. Много ли в их городе приезжих москвичей? А тридцатилетних холостых москвичей?

Галя выведывала про него у медсестер, распивая с ними чай, подолгу засиживаясь в палате, угощая тем, что принесла Полине.

Девочки и сами были не прочь обсудить столичного гостя. Гирс приехал сюда практиковаться у старого известного кардиолога, местного светила, который уже несколько лет как собирался на заслуженный отдых, но профессия пока не отпускала.

Галя не могла взять в толк, почему Александр – про себя она называла его именно так – смотрит на нее словно сквозь стену. Раньше она с подобным не сталкивалась. Возможно, существует какая-то вероятность, что он не хочет мешать работу с личной жизнью, и в этом случае, пока ее сестра остается его пациенткой, он будет соблюдать дистанцию. Скорее всего. Он зрелый мужчина, с такими даже она еще не встречалась. Самому взрослому ее поклоннику было двадцать семь. Может быть, в Москве люди играют по другим правилам, более сложным, чем местная бесхитростная возня...

Понемногу она наполнялась решимостью. Скоро Полину отпустят, и он как-то даст о себе знать.

Засыпая под утро, Галя таяла в первых рассветных грезах о том, каким прекрасным может стать будущее, которое ее ждет.

Худшим в этой истории было то, что Галя, кажется, узнала обо всем последней.

Утром во вторник она собиралась на пары, и, выбегая из подъезда бабушки Люси, увидела, как подъехало такси.

Дверь открылась, из такси вышел Гирс. В расстегнутом бежевом плаще он напоминал какого-то актера из французского кино.

Галя радостно шагнула ему навстречу. Но тут Гирс наклонился, протянул руку, помогая кому-то выбраться из автомобиля.

Галя сморгнула набежавшую от ветра слезу. Из машины показалась Полина.

Выпрямляясь, Полина пошатнулась, и Гирс с превеликой осторожностью, словно хрупкую статуэтку, подхватил ее, враз утопив в своих огромных руках.

Галину затошнило. Они медленно двигались к дому. Гирс кутал Полину в полы своего плаща, помогая ей идти и одновременно защищая от ветра.

Галя отступила внутрь двора и тут услышала голос Людмилы Алексеевны:

– Приехали, наконец! Скорее проходите, я сварила кофе, а разогреть его нельзя. – Люся вышла на балкон и абсолютно не выглядела удивленной.

Полина и Александр? Что за бред... Ему почти тридцать, а она – старшеклассница. Ей только исполнилось семнадцать...

Галя проводила их взглядом. Она не видела глаз Гирса, он склонился к Полине и говорил ей что-то, а Полина улыбалась, глядя в обращенное на нее лицо.

О свадьбе сначала речи не было. Главное в другом. Станным образом, Полина сама не поняла как, но в ее жизнь вошел свет. Иначе не скажешь.

Проснувшись однажды утром, она почувствовала, что почти здорова. И даже не оттого, что тело чувствовало себя лучше: кожа по-прежнему была ей как будто мала, вся стянулась от множества отеков и швов и походила на плохо сидящее платье. Дело было в том, что впервые за много лет Полина проснулась без страха. И какая-то смутная, но железная уверенность, что отныне все будет хорошо, расцветала в ней день ото дня, потому что она знала: скоро откроется дверь, и войдет человек, который спасает ей жизнь.

Он приходил, садился рядом, и на нее снисходил сладкий покой. Он снимал повязки, оплетающие ее руки, ноги, грудь и живот. Осторожно, будто распаковывая сверток с подарком. Он обрабатывал швы, нежно оголяя новорожденную кожу, затем брал в руки маслянистую желтоватую мазь, и этот камфорный запах стал едва ли не самым желанным воспоминанием дня. Его пальцы уверенно скользили по контурам зарастающих ран, втирали лекарство в гематомы, многоцветные, переливающиеся, как бензин в весенней луже.

Она не сразу задала себе вопрос: почему он сам занимается перевязкой, да еще дважды в день? И естественно, приходящий ответ дарил ей такую безумную надежду, что она одергивала себя и говорила: «Нет, этого не может быть».

Он был деликатный, немного строгий, особенно когда не разрешал ей резких движений. В его глазах, сливовых, выпуклых, очень серьезных, светилось участие, понимание. Но самое

главное в нем (и она знала это сразу) было то, что рядом с ним отступала любая болезнь. Страх, боль – все притуплялось. Он успокаивал одним своим присутствием, больные расслаблялись и воодушевлялись. Он с почтением относился к недугу, но не боялся его. Он словно разрушал болезнь, глядя прямо в ее суть, обнаруживая законы, по которым болезнь рождалась, развивалась и умирала.

Гораздо позже, уже в Москве, он объяснял ей, что болезни не объявляются сами по себе, как незваные гости. Для появления недуга всегда подготовлена почва. Чаще всего самым пациентом.

«Ничто не берется из ниоткуда. Тело – не только наша оболочка, но и лучший друг. Оно многие годы обслуживает наши печали, наши стрессы и неправильный образ жизни. Абсорбирует горечь, растворяет обиды, и все это очень сильно влияет на химию организма», – говорил он.

«Сердце... его ритм дает нам возможность жить, и вспомни, как сильно он меняется иногда даже просто от того, что видят твои глаза, от того, что обоняет твой нос». – он улыбался и целовал ее в нос.

Когда Полина более или менее оправилась и настало время выписываться, он вошел в палату и прикрыл за собой дверь.

– Нам нужно поговорить, ведь правда? – сказал он, положив тяжелые влажные ладони на ее руки. И по телу сразу разлилось знакомое блаженное спокойствие.

– Правда, – тихо ответила она, стыдясь смотреть ему в лицо и не в силах оторвать от него взгляд.

– Ты не можешь вернуться туда. К человеку, который так обращается с тобой.

– Я...

– Подожди, пожалуйста, дай мне договорить. – он ласково прервал ее. – Я просто не пушу тебя туда. Я тебя забираю.

Рот Полины высох, пропала слюна, горло сжалось. Она силилась понять, правильно ли она расценила услышанное. Но разум отказывался.

«Этого не может быть».

Ее замутило, и, пытаясь сглотнуть набегающую дурноту, она закрыла глаза. Ей хотелось взять стакан с водой, но руки были крепко сжаты пальцами Гирса, и она не осмелилась пошевелиться.

– Тебе плохо? – С закрытыми глазами его голос показался еще ниже, еще объемнее, он словно заполнил все пространство в ее голове.

– Нет, мне хорошо.

Он сказал:

– Я хочу защитить тебя. Я хочу сделать тебя счастливой.

Означали ли эти слова слова любви, она не могла понять. Но они означали конец ее прежней жизни.

* * *

Солнце перешло на западную сторону дома, а мы все еще сидели, и я старался как можно ровнее приладить стекло к рамке.

– А что случилось с вашими родителями?

– Отец подался в монастырь. Слава Богу, оставил мать в покое. Она теперь с бабушкой. Галя говорит, помогают друг другу.

– В монастырь?!

– Да. Недалеко от города. Я же говорила, он сильно верующий был. Не знаю, может, схорониться хотел от интересантов каких-то. А может, и просто от греха подальше. Как ослабел здоровьем, так туда отправился. Служит вроде в типографии.

Полина подвинула фотографию. На ней крупная красивая женщина и невысокий, очень худой мужчина с тонкими, почти совсем белыми волосами.

– Я помню, он давно хотел. Мне нравилось в детстве ходить с ним в храм. Он тогда уже брал послушание, ему поручали набирать тексты для церковных книг. Он раскладывал такие трафареты, – она очертила пальцами в воздухе прямоугольник, – и заливал их чернилами. Потом он их переворачивал, и получались буквы...

Я помолчал, представляя себе пухлые жидкие слова: «Христос Воскресе». Или что там еще пишут в церквях.

– А мама... мама вроде как тронулась. – Полина опустила глаза, уставилась на свои руки, терпеливо проталкивающие фотографию под лепестки креплений.

– Ой, простите!

– Да чего уж простите. Это же не из-за тебя она. Знаешь, я даже рада, я ни с кем об этом не говорила. С Сашей как-то неловко. А Галя никогда ее, кажется, не любила. Так что это ты меня прости, сама не знаю, зачем я все это тебе рассказываю.

Она поднялась, подошла к буфету, налила в маленькую рюмку коньяка. Выпила.

Я прекрасно понимал, что такое спрашивать нельзя, но никогда не видел сумасшедших, и мне было страшно интересно, как они выглядят и что они такого делают.

– Извините, а как вы поняли, что она... ну...

– Сошла с ума? – Полина опустила на стул.

– Угу.

– Галя с бабой Люсей сначала и не догадывались. Говорят, мама казалась нормальной. Может, чуть более тихой после того последнего случая. А как папа ушел, она стала путаться. Ну, она как бы не понимала, что его нет.

– Как это?

– Я потом поехала, отвезла ее к специалисту. И он нам объяснил, что когда человек сходит с ума, то перестает понимать, где его фантазии, а где настоящая жизнь.

– Ого. То есть она как бы что? Считала, что ваш отец не ушел?

– Ну да, она во всем была абсолютно нормальная, ты бы и не отличил, но Галя начала замечать, что она готовит как раньше, на его долю. И на стол ему накрывает, как будто он дома. Она слышала, как мама разговаривает с ним по ночам. Радовалась, что он образумился и не бьет ее больше.

– Ух, вот это да!

– Да, так запутанно это все устроено, что не сразу и поймешь. Если не буйный человек. А особенно, если больной догадывается, что с ним что-то не то творится. Тогда он хитрый становится, осторожный. Чтобы никак себя не выдать. И у некоторых какое-то время получается.

– Очень интересно.

– Не очень, если честно.

– А что случилось с Галей?

Я сначала спросил, а потом сообразил, что, наверное, опять лезу не в свое дело.

Полина, однако, вовсе не разозлилась. Она рассмеялась:

– Любопытный какой. Галя сейчас живет в Москве. Мы перевезли ее три года назад. В нашем городе стало слишком уж страшно жить. А замуж она так и не вышла.

– Почему? Она же красивая.

– Не знаю, милый, так бывает. И даже у самых красивых. Но Галя и правда молодец, она не заслужила такой судьбы...

– А что с ней случилось?

– Да ничего такого, просто мы все всегда считали, что если уж кому повезет вырваться из той жизни, так это Галке. Она смелая, красивая, веселая. Вышла бы замуж, если бы не влюбилась в одного местного... решалу. Родила ему сына. А он не развелся. Потом его убили... и я уговорила Сашу забрать ее с племянником поскорее.

– Убили?

– Да, тот мир он такой. Ужасный мир. Прости, я все время забываю, что ты еще ребенок. – Она улыбнулась и потрепала меня по волосам.

Стало приятно и обидно одновременно.

– Полина...

– О'кей, ты не ребенок, просто ты слишком смышлен для юноши своего возраста. Саша от тебя в восторге.

Эти слова нектаром пролились мне на душу.

– И, кажется, Вика тоже... – Она улыбнулась еще мягче, и я окончательно поплыл.

Глава 3

Конец сезона

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.